

В. Л. Пянкевич

«Даже в страшном сне не могло присниться». Потребление суррогатов пищи в блокадном Ленинграде

**Пянкевич
Владимир
Леонидович**
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование
Исследование
выполнено при
поддержке
Российского научного
фонда (РНФ), проект
№ 24-28-00817 «Между
очередью и рынком —
стратегии выживания
жителей блокадного
Ленинграда»

Блокированный Ленинград стал символом массовой гибели людей из-за отсутствия пищи. Одним из важнейших способов возмещения катастрофической нехватки продуктов питания было использование разного рода суррогатов. В исследованиях, посвященных этой теме, акцент обычно делается на изучении изысканий заменителей пищи в соответствии с директивными решениями городской власти, действий руководства промышленных предприятий, организаций, предприятий пищевой промышленности, общественного питания, поисков ленинградских ученых. Применение суррогатов в повседневной жизни обычных блокадников исследовано в меньшей мере. Касались этой темы Д. В. Павлов¹, А. М. Адамович и Д. А. Гранин², Г. Л. Соболев³, специально обращался к ней С. В. Яров⁴.

Исследование использования в пищу суррогатов позволяет выявить механизмы адаптации к чрезвычайным условиям осады, стратегии и практики выживания блокадников. В статье не рассматриваются такие специальные темы, как каннибализм и поедание домашних животных.

До блокады большинство ленинградцев не допускали и мысли об использовании пищевых суррогатов. «Даже в страшном сне не могло присниться, что мы будем есть совсем несъедобные растения и предметы»⁵. Быстрое исчезновение «цивилизованных» продуктов из магазинов и столовых началось в сентябре 1941 г.⁶ Когда же очевидной стала не просто нехватка пищи, но голод, большинство блокадников начали искать заменители еды. Этим занимались практически все ленинградцы,

на предприятиях и в учреждениях, в научных институтах, высших учебных заведениях и школах⁷. После многочасового и часто бесплодного стояния в очереди человек был готов согласиться на замену: «Я так устал и озяб, что, если б даже осталось не бычье, а лошадиное, кроличье, собачье мясо, — я бы уже не ушел без него»⁸.

Поначалу многих спасала так называемая хряпа — верхние листья и черыжки капусты, обычно не использовавшиеся в пищу. Их добывали на уже убранных полях, в ямах с отходами овощебаз. Соленая хряпа «была не просто еда, а праздничное угощение»⁹.

Спасительными для работающих могли стать мука для подклеивания обуви, приводные ремни, целлюлоза, технические масла, солидол, олифа, вазелин, гуталин, декстрин, глицерин, масло для протирки деталей, столярный клей, желатин, сода, лимонная кислота и т. д. «Инициатива», рожденная, как правило, снизу, иногда поддерживалась руководством на уровне учреждения¹⁰. Заменители пищи выдавали на работе, ими премировали. Рабочие порой настолько свыкались с суррогатами, что продолжали их есть, даже когда это было категорически запрещено¹¹.

Катастрофической ситуация стала первой, «смертной» блокадной зимой, когда, кроме хлеба, получаемого после долгого (а порой и тщетного) стояния в очереди, рассчитывать было не на что. Люди металась по городу в поисках съедобного, «ели всё, что можно съесть», что «казалось съедобным», даже если «очень отдаленно напоминало пищу». «Чего только мы ни придумывали, чтобы обмануть голод!»¹²

Самым распространенным пищевым заменителем стал столярный клей, запасы которого имелись на предприятиях, в мастерских, у столяров, плотников, хозяйственных мужчин. Поначалу многие опасались и отказывались его есть. «Мама сказала, пусть лучше дети голодают, но желудки им портить не буду»¹³. Однако с октября-ноября 1941 г. клей стали массово употреблять в пищу. На рынке его называли «блокадным шоколадом», поскольку плитка клея была похожа на стограммовую шоколадку зеленого, серо-мышинного, темно-коричневого цвета или была слегка прозрачной. В декабре 1941 г. плитки столярного клея продавались по 20 руб., к концу января цена на него выросла до 40 руб.¹⁴, иногда — до 50¹⁵, в феврале — до 60 руб.¹⁶ В марте-апреле цена снизилась до 35 руб.¹⁷ Опытные люди советовали приобретать прозрачный клей¹⁸. Но порой выбора не было. «Покупала зеленый, тухлый, пахнущий керосином»¹⁹. Продажа клея в качестве пищи удивляла или, напротив, радовала. Реакция, видимо, зависела от степени истощенности человека. Для того чтобы сделать клей съедобным, его более суток вымачивали в принесенном со двора снеге, варили, добавляя, чтобы отбить запах, перец, гвоздику, лавровый лист, уксус, горчицу, а готовое варево разливали по тарелкам.

Одни не могли питаться клеем: «Ужасающая гадость... есть невозможно»²⁰. Другие, их было больше, смирились: «Зеленовато-серое желе, на вкус несъедобно. Но едим»²¹. «Нос зажимали и ели»²². «На вкус это было что-то ужасное, но... чувство голода было еще страшнее»²³. Третьи, и таких было немало, считали, что «получалось очень даже неплохо»²⁴, «казалось очень

вкусно»²⁵, «просто обворожительно»²⁶, «изысканно и наиболее сытно»²⁷, «прекрасное блюдо»²⁸, «большая радость»²⁹, «лакомство»³⁰, «деликатес»³¹, «праздник!»³² «Не то студень ешь, не то впускаешь в себя симфонию Бетховена»³³. Многие считали столярный клей «самым главным спасителем», которому были обязаны жизнью³⁴, плитки которого «помогли пережить самые голодные дни и нам»³⁵.

В ход пошел и обойный клей, в том числе с добавлением клопомора, и сами обои, которые отдирали от стен, отскабливали засохший мучной клей. Квадратного метра обоев, точнее клея с них, хватало на порцию каши³⁶. «Съедобные обои спасли не одну человеческую жизнь!»³⁷

Последствия случившегося в самом начале осады и представлявшегося ленинградцам трагическим пожара на Бадаевских продовольственных складах позднее стали восприниматься по-другому. В течение всей первой блокадной осени ленинградцы ходили на место пожарища, которое «легко можно было определить по запаху масла, шоколада»³⁸. Тысячи женщин и подростков раскапывали снег, скоблили грязь лопатами, ложками и выковыривали землю с грязным жженым сахаром, называя ее патокой, складывали грязно-коричневую массу в сумки, мешки, тазы, бидоны и приносили домой. Гордые своей добычей ленинградцы растворяли землю в воде, отстаивали, кипятили, процеживали и пили сладкую воду. Это был драгоценный напиток в первую очередь для детей³⁹. Суждения об этом суррогате были разными: «полусладко-горькая жидкость, вполне съедобна»⁴⁰, «“настоящий” кофе»⁴¹, «довольно вкусный сироп»⁴², который «давал силы»⁴³. Более того, некоторые готовили из земли «изысканные вещи», для чего требовалась «сложная лабораторная работа, а главное, терпение и терпение»⁴⁴. «Сладкую» землю продавали на рынках, где качество и цена стакана «бадаевского продукта» зависели от того, какой это слой — верхний или нижний.

Ленинградцы собирали землю с содержащимися в ней съедобными вкраплениями не только на Бадаевском пепелище, но и в других местах. Так, весной 1942 г. на рынках появился добытый на Пискаревке «черный творог» (торф с перепрелыми веточками и листьями)⁴⁵. Пол-литровая банка этой «пищи» на Мальцевском рынке стоила 25 руб., на Светлановском — 10 руб.⁴⁶. Блокадники покупали этот продукт, но, даже будучи крайне голодными, не сразу решались взять в рот черную массу, от которой «заклеивало живот»⁴⁷.

Пищей становились разные виды корма для животных. Например, шроты — измельченные семена масличных растений после извлечения из них масла. «Зеленые шроты “с запахом” было трудно есть, но ели»⁴⁸. «Вкуса не было, но, когда поешь — живот болел!»⁴⁹ Счастливым «очень вкусным» спасением считался овес, выменянный на «водочные и табачные талоны», «папин бостоновый костюм, патефон и ящик пластинок к нему» и другие вещи⁵⁰. Одним из самых распространенных суррогатов стал жмых, в просторечии — дуранда. Поначалу блокадники опасались ее есть. Но в ноябре 1941 г. психологический барьер был сломан. Жмых продавали в магазинах, в том числе в виде конфет, им подкармливали школьников, выдавали на заводах, просили власть предоставить своим сотрудникам, считали спасением. Тогда же жмых стал пред-

метом частых товарообменных операций на рынках, где на него был «огромный спрос» и «отдавали что угодно»⁵¹. Истощенным, больным людям было трудно, порой невозможно есть жмых, «так как уже пошатывались зубы во рту»⁵². «Кололи топором на мелкие куски, мочили, потом пропускали через мясорубку и жарили в виде лепешек на олифе»⁵³. «Долго разваривали, размягчали, распаривали, превращали в кашу»⁵⁴. Большая часть «гастрономических» впечатлений о дуранде, «спасшей ленинградцев в оба голода»⁵⁵, была положительной: «деликатес», «казалось, что ничего вкуснее на свете нет», «царская еда», «необыкновенное лакомство», «предмет мечтаний», «золото».

В самый тяжелый период осады едой стали изделия из кожи и чаще всего разного рода ремни, в том числе станочные, пропитанные машинным маслом. «Суп» и «студень» варили из кожаного пальто, овечьего тулупа, охотничьего снаряжения, сумок, портупеи, портфеля, кобуры, конской сбруи, обивки кресел, обрезков кожи со «Скорохода», сапог, ботинок, найденных на помойке или даже снятых с мертвых. Вываривали кусочек шкуры коровы, лошадиные копыта, даже меховые шубы и шапки. «В отчаянии мама попыталась сварить старую овчинную безрукавку, но съедобной она не стала»⁵⁶. Еда из кожи, так же как и другие суррогаты, вызывала разную реакцию. Кто-то, несмотря на голод, давился, «не мог проглотить даже одной ложки»⁵⁷. Другие ели, удивляясь отращиванию. «Суп из кожаных сапог» казался «супом с мясом»⁵⁸. «Студень из новых сапог из настоящей свиной кожи. Как же это было вкусно!»⁵⁹.

Источником пищи становилась домашняя аптечка. Люди ели касторку, вазелин, глицерин, губную помаду, таблетки от кашля, гомеопатические «сладкие лекарственные шарики»⁶⁰. Чай (кипяток) блокадники пили со сладкими «каплями датского короля», пертуссином, глицерином и даже сладким слабительным⁶¹. Из детской присыпки варили кашу⁶². Из геморроидальных свечей добывали масло какао, а из скипидарной мази — свиной жир⁶³. За советом о приготовлении пищи из лекарств блокадники порой обращались в аптеку⁶⁴.

Мальчишки подстреливали из рогаток птиц, ловили голубей. Замерзшие воробьи становились супом. Счастливыми считались матросы, которые стреляли галок. К февралю 1942 г. птиц в городе не было⁶⁵. В блокадном меню оказался птичий корм и сами канарейки, дрозды и попугаи. Экзотическим источником калорий становились формалиновые пособия рыб, животных. Кто-то ловил и употреблял в пищу крыс и мышей, порой угощая ими ничего не подозревающих родных и свидетельствуя о «божественном вкусе» грызунов⁶⁶.

К декабрю 1941 г. у части блокадников не оставалось ничего, кроме карточного хлеба и кипятка, который «пили целыми днями, именуя чаем» или «рассолом», «пили, чтоб согреться», «наполнить чем-нибудь желудок, пили и отекали»⁶⁷. Обычно кипяток употребляли с солью, чтобы «обмануть желудок, заморить червячка», «только во рту ранки образовывались»⁶⁸. Соль, которую блокадники употребляли в большом количестве, становилась своеобразным суррогатом еды.

Зимой 1941–1942 гг. и особенно первой блокадной весной стала очевидна нехватка витаминов, которая приводила к цинге. Ленинградцы с ужасом обнаруживали, что десны кровоточат, зубы шатаются, а порой выпадают, суставы

опухают, отказывают ноги. С февраля 1942 г. ленинградцы стали покупать на рынках, у магазинов привезенные из пригородов «еловые и сосновые веточки», «пучки хвои сосны» «"букеты" из сосновых веток» и «самолечиться от цинги»: делали отвар, пили воду, настоянную на сосновых иголках. Руководящие инстанции Ленинграда принимали решения о завозе в город хвои и производстве хвойного настоя витамина С и пропагандировали «изготовление витаминного настоя из хвои сосны домашним способом»⁶⁹. Хвойный настой готовили в столовых, им поили на заводах, в детских садах, школах, больницах; пакетики с хвоей появились в аптеках, в магазинах — банки с хвойной водой. Безусловно, многих блокадников «хвоя если и не спасла, то очень помогла выжить»⁷⁰.

Весной 1942 г. одним из самых часто использовавшихся средств стала «пища голодных времен» — трава, за ростом которой горожане зорко следили. Однако первая блокадная весна, как и год назад, была холодной. Поздно показавшаяся зелень считалась знаком выживания. Те, кто зимой старался не покидать жилище, стали выходить на улицу за травой, которая поднималась между камнями вымощенных булыжником улиц, но расти ей не давали. Одни аккуратно собирали зелень в корзину или в мешочек, другие откровенно и нетерпеливо съедали траву прямо на улице⁷¹. Подорожник, одуванчик, крапиву, лебеду, мокрицу, конский щавель, снытку блокадники, конкурируя друг с другом, выискивали, собирали по всему городу: во дворах, на газонах, в придорожных канавах, на пустырях, в садах, скверах, парках, в Петропавловской крепости, на Марсовом поле, зеленых островах города. Хотя попасть в сад или парк было непросто — там находились зенитные батареи. Но предельно истощенным людям военные иногда все же разрешали рвать первую зелень⁷². «Сначала искали съедобную траву, а потом взялись за любую»⁷³. «Люди... сдирали дубовую кору, чтобы остановить кровь из десен» и поносы⁷⁴. «В Летнем и Михайловском садах столовыми ложками или вилками выкапывали корни одуванчиков и ели их. Многие там же и умирали»⁷⁵. Горожане вспоминали времена Гражданской войны, когда «Петроград лебеды не знал», а в мае 1942 г. удивлялись, какая это вкусная трава, «первое блюдо», «основная пища», которую «собирает весь город», посвящая «лебедо-заразе» оду⁷⁶. Блокадники собирали траву на кладбищах, где ее было много. Кто-то ходил к линии фронта, на запретную полосу, где «трава росла везде» и где были автоматчики.

Летом 1942 г. блокадники по-прежнему были очень голодны и поэтому белыми ночами продолжали выискивать и выщипывать съедобную, а подчас и вовсе любую траву. В связи с этим С. В. Яров отмечал: «Такие "сборы" не сразу нашли поддержку у властей. То, что в городе стали есть траву, вероятно, не с лучшей стороны характеризовало их "заботу о трудящихся"»⁷⁷. Розничная продажа дикорастущих съедобных трав была узаконена решением обкома и горкома ВКП(б) только 19 июля 1942 г.⁷⁸, когда, пожалуй, каждый блокадник нашел им применение и без указаний «верхов»⁷⁹. Массовому сбору травы способствовала ее популяризация. «По радио все время твердят о пользе трав»⁸⁰. «На Невском, в пустом "елисеевском" гастрономе, устроена выставка дикорастущих трав, рекомендуемых населению»⁸¹. В пригородах траву собирали участники оборонного строительства, работавшие в подсобных хозяйствах

предприятий, везли ее домой мешками, «если по дороге не отнимут»⁸². В июне-июле 1942 г., когда овощей еще не было, травой торговали на рынках, лебеду изредка продавали в магазинах.

Трава становилась основой многих блюд. Трава, вода и соль считались супом. Толченая и печеная — котлетами или лепешками. Из нее готовили салаты, кашу. Даже тот, кто мог пользоваться «усиленной» заводской столовой, сочетал в своем питании обычную еду с травой и олифой⁸³. Большинство ленинградцев высоко ценили «хорошую добавку к скудному пайку»⁸⁴ — блюда из травы, обладавшие «совершенно удивительным вкусом», представлявшие «очень вкусными», «мягкими и сладкими», «роскошным кушаньем», «самым большим лакомством», «настоящим деликатесом». Ленинградцы замечали положительные последствия поедания травы: «Нога сейчас стала несколько поправляться, уменьшились боли»⁸⁵. Прекратились «проклятые» голодные поносы⁸⁶. «Отлично себя чувствую, даже поправилась на глаз»⁸⁷. Многие были уверены, что трава спасла их от голодной смерти.

Летом и осенью 1942 г. ленинградцы повсюду (около дорог, под заборами, на пнях, грядках, в сарае на дровах, в садах, на пустырях, на Марсовом поле, в Летнем саду) искали грибы. Собирали практически все, кроме мухоморов. Понятия поганок не было⁸⁸.

В поисках пищи, прежде всего хлеба, горожане шли на рынок. Однако нередко ни его, ни других обычных продуктов там не было. Тогда наступала очередь других средств выживания, в том числе суррогатов. На золотые кольца, серьги, часы и другие ценности блокадники выменивали стопочку крахмала, плитку столярного клея, жмых, кормовые отруби, мякину и т. д. «С каким торжеством и радостью на лицах мы несли это богатство домой»⁸⁹, полагая, что «крупно повезло», когда «за две столовые серебряные ложки удавалось приобрести кусок лошадиной шкуры»⁹⁰. Порой от продавца можно было узнать и способ превращения суррогата в еду. Торговали на рынке и готовой пищей: студнем из столярного клея, вареными сыромятными ремнями и т. д.

Смертность от голода благодаря массовому употреблению в пищу суррогатов уменьшилась, но возросло количество отравлений. В том числе из-за несоблюдения процедуры приготовления заменителей возникали отеки, рвота, желудочные и почечные заболевания. С 1 апреля по 15 июня 1942 г. в городе было официально зарегистрировано 59 случаев отравления (из них 2 со смертельным исходом). Их причиной стало главным образом употребление в пищу неизвестных растений и особенно корней⁹¹. После того как мать съела кашу из неочищенного овса, дочери «пришлось вручную очищать прямую кишку от колючек»⁹². Для борьбы с несварением желудка необходимо было слабительное, которого в аптеках не было⁹³. Порой блокадники и вовсе использовали в пищу опасные для жизни вещества (белену, тухлятину, опилки, порошок для травли клопов и т. д.), что приводило к мучительной смерти. Тяжело достававшаяся вода из рек и каналов также могла стать причиной поноса, дизентерии и гибели.

В особой опасности были маленькие дети, которые, оставаясь дома одни, пытались есть все, в том числе кору дров, кубики, перчатки, нитки, карандаши.

Подражая взрослым, но не осознавая угрозы, дети искали и находили с самыми печальными последствиями уксус, клей из тюбика и т. д. Иногда отравления происходили по неведению родителей: «Только профессор А. Ф. Тур смог поставить диагноз хронического отравления лебедой, составлявшей основной прикорм 10-месячного ребенка»⁹⁴. Порой матери неистово стремились накормить голодного ребенка «блинами» из сухого канцелярского клея или отравы для крыс. Лишь бдительность другого человека могла предотвратить трагедию⁹⁵.

После тщательной и продолжительной обработки суррогат мог превратиться в относительно съедобный продукт. Между тем изможденный голодом человек не всегда мог соблюдать «инструкции», а долго терпеть был не в силах. Одни пробовали, экспериментировали самостоятельно, другие — узнавали о кулинарных хитростях от сограждан, стоя в очередях, бывая на рынках, при встречах обмениваясь бесчисленными рецептами приготовления пищи «буквально из всего». Спасая своих близких, блокадники шли на гастрономические ухищрения, «размачивали пуговицы — оказывается, они делаются из прессованной крови», готовили «суп из бумаги и столярного клея», «поистине чудодейственный» салат «Писанли» из одуванчиков и т. д.⁹⁶ Особую заинтересованность в процессе приготовления суррогатной пищи, «увлекаясь рационализацией», проявляли «интеллектуалы, заполнявшие новым материалом пустующий умственный аппарат»⁹⁷. Изобретательные работницы научились получать из деталей текстильных машин, изготовленных из кожи (так называемых гонок), 22 «блокадных блюда»⁹⁸. Рецепты приготовления пищи из суррогатов имеются не только в блокадных дневниках, но и в книгах, появившихся в Ленинграде в 1942 г. Так, в издании, подготовленном сотрудниками Ботанического института АН СССР, говорилось о том, как использовать в пищу желуди, корни лопуха, исландский лишайник⁹⁹, а в сборнике статей ленинградских ученых разъяснялось пищевое значение более 20 главнейших дикорастущих съедобных растений Ленинградской области, приводились рецепты множества блюд, которые можно из них приготовить (9 салатов, 11 видов щей и супов, 11 видов котлет, битков, запеканок, оладьев и пюре)¹⁰⁰.

Блокадная пища часто представляла собой самые необычные комбинации из суррогатов и «цивилизованных» продуктов. Чаще всего заботило не качество и разнообразие еды, а ее количество. Если в начале войны горожане и подумать не могли о заменителях, то после печально знаменитого пожара на Бадаевских складах люди, имевшие жизненный опыт, колеблясь, стали запасать, приобретать заменители, а затем, когда нерешительность исчезла, все, что хотя бы теоретически можно было есть. Пораженные тем, насколько первостепенно удовлетворение потребности в пище, блокадники стали есть то, что «и в голову не могло прийти раньше» и чему «приходилось радоваться». К заменителям обращались в критической ситуации, когда, например, были потеряны или украдены продовольственные карточки, не было средств для приобретения привычных продуктов на рынке или там они вовсе отсутствовали. Горожане использовали суррогаты, имевшие отдаленные свойства настоящей пищи, но сталкивались на рынке и с откровенными подделками, фальсификатами,

которые были лишь имитацией настоящих продуктов. Следует иметь в виду, что производившиеся в соответствии с утвержденной рецептурой на предприятиях пищевой промышленности и общественного питания осажденного города продукты также содержали разного рода несъедобные вещества и материалы.

Практически все, кроме камня и металла, могло оказаться на обеденном столе блокадника: обувь, земля, опилки, лекарства, трава, крахмал, казеин, стеариновые свечи, нитки, мох, которым кормили лошадей, кости, пакетики с грязной манной крупой, которой до войны чистили фетровые боты, комнатные растения, — все, что, благодаря пытливому уму, изобретательности, советам знакомых и малознакомых людей могло помочь спастись от смерти. Ленинградцы использовали суррогаты пищи в течение практически всей блокады, но наиболее интенсивно с осени 1941 до осени 1942 г. Обладателей заменителей пищи считали, да они и сами себя полагали счастливыми. Еды в осажденном городе было так мало, настолько длительным был голод, что потребление обычной пищи, например во время эвакуации, могло привести к недугу и гибели. Более того, обычную пищу порой приходилось учиться есть заново.

Человека удивляло, что он ел то, от чего его прежде тошнило. Более того, такая еда казалась не просто спасительной, но вкусной. Блюдам из суррогатов, несмотря на отвратительный запах и вкус, присваивались привычные названия: «суп», «студень», «желе», «холодец», «пюре», «заливное», «кисель», «крем», «фруктовый сыр», «чай», «кофе», «конфеты», «торт», что помогало смириться с немыслимым и сохранять рассудок. Горожане «делали вид», что суррогаты «считаются», «кажутся», «напоминают» обычную еду. Наполняя желудок, суррогаты могли поправлять не только физическое, но и моральное состояние человека, снимать нервно-психологическое напряжение, «возвращать» в мирное время. Утоление суррогатами бесконечного и мучительного голода доставляло такое «удовольствие», что некоторые блокадники не просто примирились, но искренне мечтали о том, как после блокады и войны будут их есть. Главным было то, что многие евшие «жуткую гадость» спаслись.

¹ Павлов Д. В. Ленинград в осаде. Л., 1985.

² Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., 2019.

³ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013.

⁴ Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013. С. 236–256; *Его же*. «Поваренная книга» блокады // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014. С. 250–266.

⁵ Чукунов Г. Я был там. История мальчика, пережившего блокаду Ленинграда, который смог вернуться домой. М., 2021. С. 110.

⁶ Яров С. В. «Поваренная книга» блокады. С. 250.

⁷ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. С. 272.

⁸ Сельцер К. Н. Заметки «в осаде». Дневник // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб., 2012. С. 148.

⁹ Булина И. Г. Одна зима моего детства // Звезда. 2012. № 2. С. 186.

¹⁰ Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Ленинградцы в годы войны: адаптационные практики // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 384.

- ¹¹ *Сеничев П. И.* Ленинградский судостроительный завод им. А. А. Жданова в 1941–1943 гг. // «Я не сдам до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010. С. 163.
- ¹² *Лукина Т. Г.* Воспоминания // «...Войны трагическая запись...»: Великая Отечественная война в воспоминаниях сотрудников Зоологического института Российской академии наук. СПб., 2021. С. 55.
- ¹³ *Волчик Л. В.* Остался лишь старый рояль... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 2. СПб., 2015. С. 163.
- ¹⁴ *Винокурова А. И.* Блокадный дневник учителя // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 244.
- ¹⁵ *Августынюк А. И.* Дневник // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 2. Л. 29 об.
- ¹⁶ *Грязнов Ф. А.* Дневник. 7 сентября 1941 г. — 7 февраля 1942 г. // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2009. С. 184.
- ¹⁷ *Бианки В. В.* Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. СПб., 2005. С. 172.
- ¹⁸ *Ползикова-Рубец К. В.* Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 33.
- ¹⁹ *Кузнецова З. П.* Воспоминания // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 31.
- ²⁰ *Ратнер Л. Б.* Вы живы в памяти моей. Воспоминания блокадного мальчика // Нева. 2002. № 9. С. 43.
- ²¹ *Лысикова Р. Н.* Воспоминания о блокаде. СПб., 2013. С. 23.
- ²² *Евдокимова А.* «После боя сердце просит музыки...» // Желтов В. Г. Узелки блокадной памяти. СПб., 2020. С. 171.
- ²³ *Чистякова И. С.* Воспоминания // Ленинград — наша гордость и боль: Воспоминания защитников и жителей блокадного Ленинграда. Тверь, 2005. С. 75.
- ²⁴ *Аникеева Н. А.* Интервью // Добротворская К. А. Блокадные девочки. М., 2013. С. 57.
- ²⁵ *Васильева Т.* Воспоминания // Мы из блокады. Сб. воспоминаний. Киров, 2003. С. 237.
- ²⁶ *Романкова М. П.* Письмо 18 января 1942 г. // Дети войны: сто очерков-воспоминаний. СПб., 2014. С. 247.
- ²⁷ *Лукницкий П. Н.* Из дневников // Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / науч. ред. Т. Е. Сохор. М.; СПб., 2014. С. 255.
- ²⁸ *Натненкова Л. М.* Школа жизни // Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда. М., 2014. С. 52.
- ²⁹ *Барамзина З.* Воспоминания // Блокада и мы. Сб. воспоминаний. Киров, 2008. С. 225.
- ³⁰ *Гебель Э. Б.* Воспоминания // Мы это пережили: сборник воспоминаний детей блокады немецкого происхождения. СПб., 2003. С. 29.
- ³¹ *Чикунев Г.* Я был там. С. 110.
- ³² *Шаттенштейн Е. Р.* Не хочется вспоминать... // Школа жизни. С. 214.
- ³³ «...твои письма — документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945. СПб., 2013. С. 46.
- ³⁴ *Костровицкая В. С.* Воспоминания о блокаде: 1941 год // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 27. Л. 23; «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной / сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2011. С. 182.
- ³⁵ *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. С. 273.
- ³⁶ *Лукницкий П. Н.* Из дневников. С. 255.
- ³⁷ *Дмитриева Л. В.* Блокадный мишка // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах. СПб., 2019. Вып. 6. С. 292.
- ³⁸ *Старикова И. В.* Котлеты из папье-маше // Школа жизни. С. 134.
- ³⁹ *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. С. 273.
- ⁴⁰ *Николаева Л. Ф.* Воспоминания // Блокадный дневник. СПб.; Таллин, 2010. С. 183.
- ⁴¹ *Старикова И. В.* Котлеты из папье-маше. С. 133.

- ⁴² *Натненкова Л. М.* Школа жизни. С. 51.
- ⁴³ *Пожедаева Л. В.* Война, блокада, я и другие... Мемуары ребенка войны. СПб., 2007. С. 64.
- ⁴⁴ *Машкова М. В.* Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 74.
- ⁴⁵ *Иванова Т. Г.* Блокада Ленинграда (воспоминания) // Человек в блокаде. Новые свидетельства / сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2008. С. 219; *Ступальская А. И.* Моя блокада // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сб. СПб., 2019. Вып. 5. С. 243.
- ⁴⁶ *Иванова Т. Г.* Блокада Ленинграда (воспоминания). С. 219.
- ⁴⁷ Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской / сост. А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2014. С. 129.
- ⁴⁸ *Кондратьева В. И.* Перечитывая дневник военного времени // Юровский Е. М. Мы выжили в блокаду! СПб., 2004. С. 43.
- ⁴⁹ *Лукашенко Л. И.* Воспоминания // Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб., 2015. С. 101.
- ⁵⁰ *Масленникова В.* Детство в Яблоновке // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 4. СПб., 2017. С. 274; *Никифорова Л. Б.* Воспоминания // Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны... С. 129.
- ⁵¹ *Синакевич О. В.* Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Ед. хр. 31. Л. 19; *Аникеева Н. А.* Интервью. С. 57; *Скрябина Е. А.* Страницы жизни. М., 1994. С. 127.
- ⁵² *Симонов Ю. А.* Воспоминания // Люди и время: воспоминания жителей Фрунзенского района о блокаде: альм. СПб., 2014. С. 202.
- ⁵³ *Григорьев В. Г.* 270 дней и ночей. Ленинград. Блокада 1942: Воспоминания и размышления и кое-что из истории. СПб., 2010. С. 101.
- ⁵⁴ *Дмитриевский В. Н.* Жизнь в эпизодах. СПб., 2011. С. 66.
- ⁵⁵ *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1999. С. 466.
- ⁵⁶ *Тарасов Б. В.* Блокада в моей судьбе. М., 2012. С. 93.
- ⁵⁷ *Скрябина Е. А.* Страницы жизни. С. 128.
- ⁵⁸ *Иванова З. П.* Воспоминания // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 298.
- ⁵⁹ *Седачева Л. И.* Воспоминания // Там же. С. 607.
- ⁶⁰ *Лукницкий П. Н.* Из дневников. С. 255; *Барина М. Н.* Судьба бросала меня, как лодочку в океане... (Воспоминания). СПб., 2012. С. 578.
- ⁶¹ *Зеферова В.* Воспоминания // Мы из блокады. С. 28; *Игнатова Г. Н.* Интервью // Человек в блокаде. Новые свидетельства. С. 252; *Бириштейн Т. М.* Не только о блокаде // Школа жизни. С. 38.
- ⁶² *Грязнов Ф. А.* Дневник. С. 184.
- ⁶³ *Романкова М. П.* Письмо 18 января 1942 г. С. 247; *Сахновская Н. П.* Дневник // Танцую под обстрелами: дневники артистов Кировского театра 1941–1944 гг. Из осажденного Ленинграда. Выборг, 2019. С. 37.
- ⁶⁴ *Бардовский А. А.* Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 7. Л. 52.
- ⁶⁵ *Глинка В. М.* Воспоминания о блокаде. СПб., 2010. С. 143.
- ⁶⁶ *Гришкевич А. П.* Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 23; *Никитин И. М.* Блокадный дневник. СПб., 2021. С. 155, 178; *Саямон Г. С.* Островки памяти: воспоминания. СПб., 2008. С. 74.
- ⁶⁷ *Фрейденберг О. М.* Осада человека // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 3. М., 1991. С. 16; *Рыбникова М. Е.* Воспоминания // Ленинград — наша гордость и боль... С. 24.
- ⁶⁸ *Лелюхина С. Б.* Воспоминания о блокаде // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 6. Д. 7. Л. 41; *Жилинский И. И.* Блокадный дневник (осень 1941 — весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 12.

- ⁶⁹ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1: Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб., 2019. С. 398; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 2. Март — декабрь 1942 г. СПб., 2020. С. 67.
- ⁷⁰ Грюнберг-Солдатова Л. И. Пунктир моей жизни. М., 2009. С. 88.
- ⁷¹ Симонов Ю. А. Воспоминания. С. 191.
- ⁷² Кучинская Л. А. Как мы жили, как выжили... СПб., 2006. С. 32.
- ⁷³ Миронова Е. И. Дневник // Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах. М., 2021. С. 396, 397.
- ⁷⁴ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 505.
- ⁷⁵ Лобанов П. К. Воспоминания // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 403.
- ⁷⁶ Островская С. К. Дневник. М., 2013. С. 350; Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 505; Кисель Л. В. Воспоминания // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 330; Воронов Ю. П. Блокада: Книга стихов. М., 1986. С. 85.
- ⁷⁷ Яров С. В. «Поваренная книга» блокады. С. 256.
- ⁷⁸ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 415, 416.
- ⁷⁹ Яров С. В. «Поваренная книга» блокады. С. 257.
- ⁸⁰ Соболевский Л. Дневник пропавшего без вести. 1941–1943. СПб., 2014. С. 89.
- ⁸¹ Костровицкая В. С. Воспоминания о блокаде: 1941 год. Л. 25.
- ⁸² Добрякова А. Н. Воспоминания // «...Это мы, крещенные блокадой». Новосибирск, 2007. С. 73.
- ⁸³ Никитин И. М. Блокадный дневник. С. 138.
- ⁸⁴ Зимницкая Г. К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб., 2012. С. 69.
- ⁸⁵ Фирсенков И. П. Блокадный дневник. СПб., 2014. С. 90.
- ⁸⁶ Евдокимов А. Ф. Дневник // Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках... С. 173.
- ⁸⁷ Зеленская И. Д. Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда. С. 104.
- ⁸⁸ Евдокимов А. Ф. Дневник. С. 175.
- ⁸⁹ Симонов Ю. А. Воспоминания. С. 202, 203.
- ⁹⁰ Квятковский Ю. П. Мы вместе служили флоту. М., 2012. С. 16.
- ⁹¹ Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 312.
- ⁹² Конева В. А. Моя правда о блокаде Ленинграда. Автобиографическая повесть. СПб., 2001. С. 59.
- ⁹³ Баринова М. Н. Судьба бросала меня, как лодочку в океане... С. 578.
- ⁹⁴ Шабалов Н. М., Эрман Л. В. Детское здравоохранение блокадного Ленинграда // Детская медицина Северо-Запада. 2010. Т. 1, № 1. С. 80.
- ⁹⁵ Геращенко Ф. З. Воспоминания // Дети войны... С. 75; Рыбникова М. Е. Воспоминания. С. 23; Синельникова И. Воспоминания // Разумовский Л. С. Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 54.
- ⁹⁶ Васютина Е. К. Дневник // ЦГАЛИ СПб. Ф. 522. Оп. 1. Д. 40. Л. 43; Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы... С. 33; Лапин И. П. Время такое. СПб., 2007. С. 123; Быльев Н. Из дневника // Художники города-фронта: воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 342.
- ⁹⁷ Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. С. 253.
- ⁹⁸ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. С. 273, 274.
- ⁹⁹ Главнейшие дикорастущие пищевые растения Ленинградской области / сост.: М. М. Голлербах, В. Ф. Корякина, А. А. Никитин [и др.]; под ред. Б. А. Тихомирова. Л., 1942.

¹⁰⁰ Использование в пищу дикорастущих съедобных растений / О. В. Троицкая, Л. М. Пиневич, А. М. Рябинин, В. А. Дубровская. Л., 1942.

Статья поступила в редакцию 24 мая 2024 г.

Рекомендована к печати 2 октября 2024 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пянкевич В. Л. «Даже в страшном сне не могло присниться». Потребление суррогатов пищи в блокадном Ленинграде // *Новейшая история России*. 2025. Т. 15, № 1. С. 54–67. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.104>

Аннотация: В статье исследованы практики использования суррогатов пищи в повседневной жизни жителей блокадного Ленинграда. Обращение к этой теме позволяет выявить механизмы адаптации к чрезвычайным условиям осады и практики выживания блокадников. В статье не рассматриваются такие специальные темы, как каннибализм и поедание домашних животных. Прослеживается эволюция отношения ленинградцев к пищевым суррогатам от полного неприятия в начале войны до готовности очень многих искать, запасать и использовать их первой блокадной осенью. Описываются источники появления заменителей пищи, которые блокадники приносили с работы, обнаруживали дома, находили в парках, садах, пригородах, на улицах, кладбищах, покупали и выменивали на рынках. Приводятся сведения о том, какие суррогаты становились наиболее распространенными, доминировали в тот или иной период осады, о рыночных ценах на них. Анализируется восприятие вкусовых качеств суррогатов, которые одни горожане считали несъедобными, вторые — приемлемыми, третьи — вкусными. Говорится о мерах властей, ученых города по популяризации потребления суррогатов в домашних условиях. Изучено позитивное воздействие потребления суррогатов на физическое, морально-психологическое состояние ленинградцев, предотвращение и исцеление от цинги, а также риски и случаи отравлений и гибели людей, в том числе из-за неосторожности и незнания способов приготовления заменителей. Горожане настолько долго использовали пищевые заменители, что за время осады привыкали к ним, порой полагая, что будут их есть после войны и блокады. По мнению многих выживших, суррогаты стали важнейшим средством спасения от голодной смерти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, СССР, блокада, голод, пищевые суррогаты.

Сведения об авторе: Пянкевич В. Л. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-8977-099X>, v.pyankevich@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Piankevich V. L. “Even in My Worst Nightmare I Couldn’t Have Dreamed of This”: Consumption of Food Substitutes in Besieged Leningrad”, *Modern History of Russia*, vol. 15, no. 1, 2025, pp. 54–67. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.104> (In Russian)

Abstract: The article studied the practices of using food substitutes in the everyday life of residents of besieged Leningrad. Addressing this topic makes it possible to identify mechanisms of adaptation to the extreme conditions of the siege and the survival practices of the blockaded people. The article does not cover such special topics as cannibalism and eating pets. The evolution of Leningraders’ attitudes towards food substitutes is traced from complete rejection at the beginning of the war to the readiness of many to seek out, stock up on and use them in the first autumn of the blockade. The sources of food substitutes that blockade survivors brought from work, discovered at home, found in parks, gardens, suburbs, on the streets, cemeteries, bought and exchanged

at markets are described. Information is provided on which surrogates became the most widespread, dominated in a particular period of the siege, and their market prices. The perception of the taste qualities of surrogates is analyzed; some city residents considered them inedible, others acceptable, and others tasty. The discussion is about the measures taken by the city authorities and scientists to popularize the consumption of surrogates at home. The positive impact of consuming surrogates on the physical, moral and psychological state of Leningraders, prevention and healing from scurvy, as well as the risks and cases of poisoning and death of people, including due to carelessness and ignorance of methods for preparing substitutes, was studied. The citizens had been using food substitutes for so long that during the siege they had become accustomed to them, sometimes believing that they would eat them after the war and the blockade. According to many survivors, food substitutes became the most important means of saving themselves from starvation.

Keywords: Great Patriotic War, Leningrad, USSR, siege, hunger, food surrogates.

The research was supported by Russian Science Foundation (RSF), project no.24-28-00817 "Between the queue and the market — the strategy for survival of the inhabitants of besieged Leningrad".

Author: *Piankevich V. L.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-8977-099X>, v.piankevich@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Adamovich A., Granin D. *Blockade book* (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings*, comp. K. A. Boldovskiy, pt 1: June 1941 — March 1942 (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings*, comp. K. A. Boldovskiy, pt 2: March — December 1942 (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Dobrotvorskaya K. A. *Blockade girls* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Freidenberg O. M. 'The Siege of Man', *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*, iss. 3, pp. 7–44 (Moscow, 1991). (In Russian)
- Ginzburg L. Ya. *Passing Characters: Prose of the War Years. Notes of a besieged person* (Moscow, 2011). (In Russian)
- "I will not give up until the last": *Notes from besieged Leningrad*, comp. V. M. Kovalchuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov (St. Petersburg, 2010). (In Russian)
- Kovalchuk V. M., Rupasov A. I., Chistikov A. N. 'Leningraders during the war: adaptation practices' in *Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and technogenic transformations*, pp. 380–388 (Moscow, 2010). (In Russian)
- Leningrad under siege: a collection of documents on the heroic defense of Leningrad during the Great Patriotic War, 1941–1944*, comp. A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 1995). (In Russian)
- Likhachev D. S. *Memories* (St. Petersburg, 1999). (In Russian)
- Man in blockade. New evidence*, comp. V. M. Kovalchuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Pavlov D. V. *Leningrad under siege* (Leningrad, 1985). (In Russian)
- "Save my sad story". *Blockade diary of Lena Mukhina*, eds V. M. Kovalchuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Shabalov N. M., Erman L. V. 'Children's health care in besieged Leningrad,' *Detskaya medicina Severo-Zapada*, no. 1, 2010, pp. 78–80. (In Russian)
- Sobolev G. L. *Leningrad in the struggle for survival in the blockade*, book 1: June 1941 — May 1942 (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Survivor's Notes. Blockade diaries of Tatyana Velikotnaya, Vera Berkhman, Irina Zelenskaya*, comp. A. I. Rupasov, A. N. Chistikov (St. Petersburg, 2014). (In Russian)

The most important wild food plants of the Leningrad region, comp. M. M. Gollerbakh, V. F. Koryakin, A. A. Nikitin and others (Leningrad, 1942). (In Russian)

Troitskaya O. V., Pinevich L. M., Ryabinin A. M., Dubrovskaya V. A. *Use of wild edible plants as food* (Leningrad, 1942). (In Russian)

"Will we live to see silence?": Notes from besieged Leningrad, comp. V. M. Kovalchuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov (St. Petersburg, 2009). (In Russian)

Yarov S. V. "Cookbook" of the blockade' in *USSR in World War II: Occupation. Holocaust. Stalinism*, pp. 250–266 (Moscow, 2014). (In Russian).

Yarov S. V. *Everyday life of blockade Leningrad* (Moscow, 2013). (In Russian)

Received: May 24, 2024

Accepted: October 2, 2024